

# СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА

DREAM DEBIT

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

DREAM DEBIT

**СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА**

«Автор»

2026

## DEBIT D.

### СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА / D. DEBIT — «Автор», 2026

Меня зовут Макс. Мне двадцать пять. Я живу в одной квартире с Фионесой — девушкой, которую знаю шесть лет, с которой мы прошли училище и теперь делим кухню, утренний кофе и тишину. Я зову её про себя «мой океан» — за голубые волосы, за вспыльчивый характер, за то, как она умеет быть рядом, не спрашивая лишнего. Она спит голышом, ходит по дому без стеснения, а я делаю вид, что это норма. Мы друзья. Просто друзья. Так было шесть лет. Но всё меняется, когда её подруга Листия расстается с парнем. Постепенно в нашу тихую жизнь входит то, чего мы оба боялись: ревность, желание, недосказанность. А потом появляется приглашение — на остров. На пляж, где ночь пахнет солью, а воздух густеет от чего-то, что не имеет названия. Где люди перестают стесняться. Где тела говорят громче слов. И где всё, что мы прятали друг от друга, выйдет наружу. Это история о дружбе, которая не выдержала расстояния. О страсти, которая началась с одного взгляда. И о пляже, который изменил всё.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1                           | 7  |
| Глава 2                           | 13 |
| Глава 3                           | 25 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 43 |

# DREAM DEBIT

## СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА

### Пролог

Вчера я так стремительно уходил, что лето, казалось, сдалось без боя — оставив первый жёлтый лист, влажные и прохладные дни осени. А я всё ещё сидел на острове. Море голубого цвета пожирало бело-золотистый берег, оставляя лишь брызги, что летели мне в лицо. Ветер задувал под футболку, плавки давно промокли.

Сегодня прошла неделя, как я здесь.

Приглашение было спонтанным. Без раздумий, без сомнений. Только радость и интерес — что будет дальше.

Сначала всё шло хорошо. Но чем больше проходило дней, тем яснее я видел: Листия делала всё, чтобы разлучить меня с моими близкими. И уже сейчас — нечто большее, чем просто отношения с Фионесой, — больше не пускало меня домой. Там, далеко, на острове, где горит свет, мне просто выносили еду. Не позволяли приблизиться. А ей говорили, что я её бросил.

Вернувшись обратно, я перестал видеть её уже на пятый день.

И вот теперь я сижу здесь, на этом берегу, и знаю: она увидит. Это стих — вдоль берега. Поднявшись на ноги, я пальцами по холодному песку выводил каждую строчку, чуть дальше моря, чтобы его не смыло.

На берегу забытых вещей  
Склонившись, смотрел я вдали,  
Где остров, укрытый волнами,  
Терялся в вечерней дали.

Там ночь озарила наши сны,  
И волны, шурша у песка,  
Так тихо омыли тот берег,  
Где грезилась мне ты слегка.

И море голубое светилося,  
Качаясь под лунной звездой,  
А мысли мои, словно птицы,  
Неслись за тобою волной.

Лишь кожа твоя обжигала  
Мои неприкаянные пальцы,  
И я не посмел подойти —  
Мне страшны были очи твои.

Твои голубые глаза  
Как небо, что близко и свято,  
А крылья, что я тебе нёс,  
Ты спрятала где-то куда-то.

И разум твой, будто туманом,

Покрылся безмолвною мглой,  
А подруга винила меня,  
Что я согрешил пред тобой.

Что, может, я видел Люцифера  
И у его стоял у ворот,  
Где боль за тобою ходила  
За мною, как тёмный народ.

И боль лишь тобою жила,  
И в сердце оставила порок.  
Я столько терпел эту муку,  
Что стал сам себе одинок.

Но море молчало у берега,  
И ветер качал камыши,  
А я всё искал твою тень  
В вечерней немой тишине.

И если любовь — это море,  
То мне не уйти от волны:  
Я всё ещё слышу твой голос  
В далёком дыхании тьмы.

А руки мои, что дрожали,  
Устали держать эту боль.  
И ночь надо мною склонилась,  
Как чёрная траурная соль.

Но всё же я медленно встану  
И прочь отойду от огня —  
Пускай даже море забудет,  
Что ты когда-то любила меня.

## Глава 1

Воздух в комнате был густым, как сироп. Я лежал на спине, чувствуя, как кровь тяжело перекачивается в паху, медленно, настойчиво, напоминая о себе тупой пульсацией, которую утро приносило каждый раз, когда я просыпался в этой постели. Глаза еще не открылись, но тело уже знало: пора вставать. Пора разбираться с этим ритуалом, который я ненавидел — стоять перед унитазом, ждать, пока успокоится, тратить на это драгоценные минуты, когда можно было просто жить.

Но сегодня я не стал ждать. Сбросил одеяло, встал, натянул шорты прямо поверх трусов, не заботясь о том, как это выглядит. В коридоре пахло кофе и фруктами — Фионеса уже встала.

Она стояла у двери моей комнаты, прислонившись плечом к косяку. Светлые волосы взлохмачены, на губах — сонная улыбка, которая всегда появлялась, когда она смотрела на меня. В шелковом халате, накинутом на голое тело, она выглядела так, будто только что вышла из сна и еще не решила, хочет ли возвращаться в реальность.

«Доброе утро, — повторила она мягко, и в голосе ее звучала та же ленивая нежность, что и всегда. — Ты так спешишь?»

Она не сразу отступила в сторону. Стояла, изучая меня взглядом, который я знал уже шесть лет, но который каждый раз заставлял мою кожу покрываться мурашками. Я чувствовал, как член упирается в ткань шорт, и знал, что она видит. Знал, что она не отводит взгляд.

«Не совсем спешу, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но хочу пройти в туалет. Видать, на днях выпил много воды».

Фионеса тихо фыркнула, отступая от косяка. Ее пальцы скользнули по моему плечу, когда она проходила мимо, — легкое, почти невесомое прикосновение, от которого я замер на секунду.

«Вода — это всегда хорошо, — шепнула она с ухмылкой, которая говорила: я знаю, что ты делаешь, и мне это нравится. — Только не забудь вымыть руки».

Я рванул в ванную, захлопнул дверь и прислонился лбом к прохладному кафелю. Сердце колотилось где-то в горле. Чертова Фионеса. Чертова ее улыбка. Чертова наша общая квартира, где стены такие тонкие, что я слышу, как она дышит во сне.

Стянул шорты, сбросил трусы. Струя ударила в фаянс, и я выдохнул, чувствуя, как напряжение уходит из тела. Ногой подцепил трусы, бросил их в стиральную машину. Шорты — туда же. Когда закончил, стряхнул член, повернулся к двери и вышел в коридор.

Полностью голый.

Фионеса стояла там же, где и раньше. Ее глаза расширились на долю секунды — и я успел заметить, как зрачки расширились, как она сглотнула, как ее рука дрогнула, сжимая край халата.

«Ого, — выдохнула она, и в голосе ее звучал смех, сдавленный, почти нервный. — Я про что говорила?»

Она отвернулась, пряча улыбку, но я видел, как покраснели ее щеки. Видел, как она сжимает кулаки, чтобы не смотреть на меня снова.

«Ну простите, — я пожал плечами, чувствуя, как воздух в коридоре становится гуще. — Я только проснулся. А нам нечего стесняться — все знакомы уже шесть лет. С шараги».

Она подняла бровь, скрестив руки на груди. Ухмылка медленно сползла с ее лица, сменяясь чем-то более серьезным, почти уязвимым.

«Шесть лет в шараге — это одно, — произнесла она спокойно, но я слышал напряжение в ее голосе. — Но тут всё-таки мой коридор».

Она сделала шаг назад, давая мне пройти, и я прошел мимо нее, чувствуя, как ее взгляд скользит по моей спине, по ягодицам, по ногам. Я улыбнулся, но не обернулся.

«Зделай, пожалуйста, кофе, — бросил я через плечо. — И если хочешь, сегодня можешь побыть без одежды. А я составлю компанию на кухне».

Она смотрела на меня с легкой усмешкой, и в этой усмешке было столько всего: и вызов, и нежность, и что-то еще, что я не мог назвать. Она повернулась к плите, и звук наливаемой воды разрезал тишину коридора.

«Наглый, — тихо выдохнула она. — Кофе сделаю. Но правила дома устанавливаю я».

Я подошел к столу, отодвинул металлические ножки стула, сел на мягкое кожаное сиденье. Запах свежесваренного кофе заполнил кухню, смешиваясь с ароматом круассанов, которые она, видимо, разогрела. Фионеса поставила чашки на стол, тарелку с выпечкой — рядом. Села напротив, отпила из своей чашки, не глядя на меня.

Я протянул руку, взял кружку с черным, горьким кофе, сделал глоток. Горячая жидкость обожгла горло, но я не отводил взгляда от ее лица. Она чувствовала это — я видел, как напряглись ее плечи, как она чуть прикусила нижнюю губу.

«Что уставился? — спросила она, прищурившись, но уголки губ предательски дрогнули в улыбке. — Кофе вкусный, или я так хорошо сплю?»

«Самый красивый и вкусный кофе в целом мире — это ты», — ответил я, и слова вылетели прежде, чем я успел их остановить.

Фионеса тихо рассмеялась, отпивая свой кофе. В этом смехе было что-то теплое, почти детское, и я почувствовал, как сердце сжимается.

«Осторожнее, — шепнула она с мягкой насмешкой. — А то сейчас покраснею».

Она взяла круассан, надкусила его, и я смотрел, как она жует, как ее губы смыкаются на хрустящей корочке, как она слизывает крошки с пальцев. Моя голова каждый раз, когда я видел ее красоту, прокручивала странные мысли: как же мне повезло ее встретить. Пусть характер у нас был тяжелый у обоих, но Фионеса манила меня не только своей красотой, но и внутренним миром. Хоть иногда у нас были разные взгляды на жизнь, но ни она, ни я никогда не думали покидать друг друга. И дело было не в доме и не в деньгах — что-то другое тянуло нас друг к другу.

«Ты иногда слишком много думаешь, — мягко произнесла она, не отрывая взгляда. Она взяла кусочек круассана, медленно жуя его. — Но мы ведь всегда справляемся. С любым характером».

Я смотрел на нее, и слова лились из меня, как вода из прорванной трубы. Я говорил о том, как она меня будит по утрам, как восхищает ее резкий и прямой характер, как она пытается показать себя главной, но всё же идет на уступки. Как она может ходить полностью голой по дому и не стесняться меня. Как в моменты наших взглядов она искренне улыбается. Как она может просто так, без плохих мыслей, обнять меня голышом и легонько поцеловать в шею сзади. Или когда мы смотрим фильм, а она делает вид, что смотрит, но на самом деле смотрит на меня, нежно поглаживая мою руку, чуть скрежеща зубами в те моменты, когда думает, что какая-то девушка может меня увидеть.

Фионеса замерла. Она медленно поставила кружку на стол, и ее взгляд заметно потемнел. В нем появилось что-то, чего я не видел раньше — страх? Уязвимость? Ярость?

«Ты слишком много понимаешь, — шепнула она, отводя глаза в сторону. — И совсем не то, что я хочу».

Тишина повисла в воздухе, тяжелая, как мокрое одеяло. Я смотрел на нее, чувствуя, как слова застревают в горле.

«Я не буду стараться как-то... не навредить своими словами, — сказал я, и голос мой прозвучал глухо. — Прости».

Фионеса медленно выдохнула, убирая руку со стола. Ее лицо стало маской, но я видел, как дрожит ее нижняя губа.

«Не обижайся, — тихо произнесла она. Голос звучал мягче обычного, но в нем скрывалось напряжение, которое я чувствовал кожей. — Я просто устала от этих разговоров».

Я поднялся из-за стола. Медленно, не говоря ни слова. Прошел в свою комнату, открыл ящик с нижним бельем. Надел белые трусы, черные носки, красную футболку, спортивные штаны красного цвета от костюма. Обернулся к столу, протянул руку, взял ключи от машины. И направился вниз, на первый этаж.

Я слышал, как она встала. Как чашка ударилась о дно раковины — глухой, тяжелый звук. Как она выдохнула мое имя — хрипло, почти беззвучно.

«Стой».

Я остановился у порога входной двери. Рука уже лежала на ручке, но я не поворачивал ее. Ждал. Как будто ждал награду.

Фионеса распахнула дверь. Ее взгляд скользнул по мне сверху вниз, и я почувствовал, как он обжигает кожу.

«Куда собрался? — тихо спросила она, опираясь плечом о дверной косяк. — Я же не сказала идти».

Я медленно повернулся, как статуя, и чуть улыбнулся. Поднял правую руку к ее лицу, а левой указательным пальцем показал на стрелку часов, напоминая, что мне надо выйти на работу пораньше. К семи утра. Парень, который сегодня работал, заболел, и мне надо его подменить.

«И, помойму, сегодня на смене со мной еще одна девушка, — я почесал рукой затылок, делая вид, что вспоминаю. — Ее зовут... блин, забыл. Ну, как там ее? Твою подругу. Вы с ней на тортах работаете, под заказ».

Фионеса перехватила мое запястье. Ее пальцы сжались крепко, и я почувствовал, как ногти впиваются в кожу. Взгляд ее потемнел, стал почти черным.

«Какая еще девушка? — тихо произнесла она, делая медленный шаг ко мне. — Я не помню никого».

Я сделал вид, что вспоминаю. Прищурился, потер лоб.

«Блин, как же ее звали... А, вспомнил. Лисия».

Хватка на моем запястье стала жестче. Фионеса не сводила с меня глаз, и в них было что-то, от чего у меня пересохло во рту.

«Лисия? — выдохнула она это имя с явным презрением, медленно сокращая расстояние между нами. — Ты точно знаешь, кто это».

«Ну как, видел. Вы работаете с ней в кондитерской, делаете вместе торты. Ей вроде 22 года. Младше тебя и меня».

Фионеса медленно отпустила мое запястье. Она смотрела в пол, и я не видел ее лица, но чувствовал, как напряжение искажает ее черты.

«Она просто коллега, — глухо произнесла она, отступая назад. — Иди на свою смену».

Я повернулся к двери, открыл ее, шагнул на лестничную клетку. Но прежде чем закрыть за собой, я обернулся.

Фионеса стояла в проеме, и в свете утреннего солнца, падающего из окна, она выглядела так, будто ее только что ударили. Руки сжаты в кулаки, плечи напряжены, губы сжаты в тонкую линию. Она смотрела на меня, и в этом взгляде было столько всего, что я не мог дышать.

Я закрыл дверь. Спустился по лестнице, вышел на улицу. Сел в машину, завел двигатель, и только когда выехал со двора, позволил себе выдохнуть.

Солнце слепило глаза, но я видел только ее лицо. Только ее глаза, потемневшие от ревности. Только ее руки, сжатые в кулаки. Только ее губы, произносящие имя, которое я не должен был произносить.

Лисия.

Я ударил ладонью по рулю.

Черт.

Черт, черт, черт.

Я знал, что это имя вызовет реакцию. Знал, что Фионеса не выдержит. Но я не думал, что это будет так больно — видеть, как она страдает.

Я нажал на газ, и машина рванула вперед, унося меня от дома, от нее, от всего, что я только что разрушил.

Но я знал, что вернусь. Всегда возвращался.

И она знала.

Потому что шесть лет — это не просто срок. Это привычка. Это зависимость. Это любовь, которую мы оба боялись назвать своим именем.

Я держал ее руки. Ладонь к ладони. Она не отпускала.

Пальцы Фионесы были холодными, хотя на кухне было тепло — чайник еще не остыл, на плите стояла кружка с недопитым кофе. Она смотрела вниз, на наши руки, и я видел, как дрожит ее подбородок.

— Фионеса, — тихо сказал я. — Твои глаза как два бездонных и очень величественных океана. Они манят к себе.

Она не подняла взгляда.

— И я хочу, чтобы ты знала, — продолжал я, проводя большими пальцами по ее костяшкам, — даже если завтра под выстрелом пистолета в голову, в сердце, в тело, где находится моя душа, на самом последнем вздохе, когда мои органы и тело полностью откажут на грани смерти и жизни, я все равно буду думать о тебе. И ничего это не изменит. Не сейчас. Не будет.

Она вздрогнула. Сжала мои пальцы так, будто хотела оставить след.

— Прекрати, — хрипло шепнула она. — Не говори так.

Я наклонился и поцеловал ее в голубые волосы. Они пахли шампунем — чем-то сладким, почти детским. Она замерла, тяжело дыша, и я чувствовал, как ее грудь поднимается и опускается, прижимаясь к моей.

— Ты точно собираешься уходить? — спросила она, не поднимая глаз.

Я прижал ее к себе, не отпуская рук. Вдохнул запах ее волос еще раз, закрыл глаза.

— Не успеешь обмерять, наступит вечер, — сказал я. — И я снова вернусь к тебе. В этот дом. На эту кухню. За этот стол.

Она подняла на меня потемневшие глаза. Выдохнула медленно, с усилием, и я почувствовал, как расслабляются ее плечи под моими ладонями.

— Я буду ждать, — хрипло прошептала она. — Только вернись.

Я поцеловал ее в шею, в то место, где пульс бился под кожей, и почувствовал, как она выгибается навстречу. Ее пальцы скомкали ткань моей футболки на спине.

— Разве тебе сегодня не на работу? — спросил я, отстраняясь ровно настолько, чтобы видеть ее лицо. — В магазин. У вас там торты как пирожки разлетаются.

— Сегодня выходной, — выдохнула она, пряча лицо у меня на груди. — Останься.

Я обнял ее за спину, провел ладонью вверх, между лопаток, чувствуя, как напряжены мышцы под тонкой тканью.

— Мой океан, — тихо сказал я. — Я обещал сегодня человеку, что выйду на работу, пока он болеет.

Она медленно кивнула. Отстранилась. Ее пальцы задержались на моей спине, не желая отпускать.

— Хорошо, — выдохнула она. — Только помни про свое обещание.

Я кивнул. Вышел.

На улице было серо — то утро, когда небо не может решить, светить или плакать. Я подошел к машине, нажал кнопку, сел за руль. Закрыл дверь. Стекло подернулось холодом.

Прежде чем завести двигатель, я поднял голову. Окно второго этажа. Она стояла там, прислонившись к стеклу, скрестив руки на груди. Смотрела на меня. Я не видел ее лица на этом расстоянии, но знал, что она не отведет взгляда, пока машина не скроется за поворотом я нажал на газ.

Дорога заняла пятнадцать минут. Я ехал медленно, хотя опаздывал. Руки на руле, взгляд перед собой, но мысли — там, на кухне, где еще теплился ее запах. Я все еще чувствовал ее пальцы на своей спине, то место, где она сжала ткань.

Магазин встретил меня звоном колокольчика над дверью и запахом табака — сухого, терпкого, осевшего в каждой щели. Лиция уже была там. Стояла у кассы, опершись бедром о стойку, лениво водя пальцем по экрану телефона.

Она обернулась на звук двери. Скользнула взглядом по моей одежде — не торопясь, не скрываясь.

— О, подмога, — произнесла она сладким голосом. — Здравствуй.

— Привет, Лиция.

— Уже готов к тяжелой работе? — Она улыбнулась, наклоняя голову, и я увидел в ее глазах смех.

Я кивнул и прошел в маленькую подсобку. Закрыл за собой дверь. Снял куртку, повесил на крючок. Положил свой небольшой кожаный портфель на стул.

Из-за двери донесся звон колокольчика — кто-то вошел. Лиция громко постучала по столешнице кассы.

— Не прячься там! — крикнула она, и я услышал, как она смеется.

Я вышел через несколько минут. Лиция стояла у кассы, облокотившись на стойку, и я снова заметил, как на нее смотрят. Двое парней — лет по двадцать, не больше — топтались у витрины с сигаретами, но взгляды были прикованы к ней. Она улыбнулась им лениво, повела плечом, и один из них отвернулся, торопливо взял пачку и пошел к выходу, даже не глядя, что купил.

— Опять за старое? — тихо спросил я, подходя к кассе.

Лиция хмыкнула, поглаживая край стойки.

— Опять.

Я достал наушники из кармана, вставил их в уши. Взял лист бумаги и ручку со стойки и начал пересчитывать сигареты — проверять, что осталось, что нужно заказать. Музыка играла тихо, неспешно, не мешая думать. Я перебирал пачки, записывал цифры, и руки делали свое дело, пока голова бродила где-то в другом месте.

Лиция наблюдала за мной. Я чувствовал ее взгляд — не тяжелый, но присутствующий.

Звонок над дверью снова разрезал тишину. Вошел еще один парень. Посмотрел на Лицию. Она лениво вздохнула.

— Опять одни парни, — мягко произнесла она, не сводя с меня глаз.

Я только кивнул и улыбнулся.

Через несколько минут я закончил расставлять и пересчитывать сигареты. Снял наушники, повесил их на шею, и подошел к кассе. Лиция довольно кивнула.

— Быстро ты, — сказала она. — Идти мне домой?

Я улыбнулся в ответ, махнул рукой.

— Иди. А то твой парень снова будет ревновать, что ты тут опять со мной зависаешь.

Она тихо засмеялась, отталкиваясь от кассы. Накинула куртку на плечи — не надевая, просто набросив, как плащ.

— Зависнуть? — Она хитро прищурилась. — Он просто не понимает, что я люблю работать.

Она направилась к выходу, и я смотрел ей в спину, пока дверь не закрылась. Магазин погрузился в тишину. Только часы тикали на стене — размеренно, монотонно.

Я сел на стул под кассой.

Первые полчаса прошли спокойно. Никто не заходил. Я просто сидел, слушая тиканье часов, и смотрел в окно, где серая улица тянулась к горизонту. В голове было пусто и одновременно слишком полно.

Дверь звякнула.

Я поднял голову. Мужчина — лет тридцати, в потертой куртке, с нервным взглядом — стоял у входа, не решаясь подойти к кассе. Он постукивал пальцами по бедру, смотрел то на витрину, то на дверь.

— Здравствуйте, — сказал я. — Чем могу помочь?

Он сжал край куртки, шагнул к кассе.

— Две пачки «Винстон», и зажигалку, — глухо произнес он, бросив на меня быстрый, оценивающий взгляд.

— Паспорт можно вас посмотреть?

Он напрягся. Я видел, как сжались его челюсти, как дернулось плечо.

— Серьезно?

Он медленно достал сложенный паспорт из кармана куртки и бросил его на кассу. Глухой стук пластика о стекло. Я взял паспорт, проверил дату рождения, сложил обратно, передал ему.

— Все в порядке, — сказал я.

Развернулся, взял две пачки «Винстон», лениво кинул их влево на стойку, достал зажигалку. Пробил на кассе. Экран высветил сумму.

— Триста двадцать рублей. Карта или наличные?

— Карта, — буркнул он, доставая пластик.

Он ткнул картой в терминал, не сводя с меня глаз. Я настроил терминал, кивнул на экран. Он приложил карту. Зеленый свет.

— Всё, — глухо сказал он, забрал товар и вышел, не оглянувшись.

Дверь хлопнула. Тишина снова заполнила магазин.

Я опустил на стул.

И тогда в голову начали приходить мысли — те, что я откладывал всю дорогу, весь час, пока перебирал сигареты и смотрел на Лицию. О сегодняшнем утре. О том, как я держал ее руки. О том, как она сказала «останься». И о том, что я все равно ушел.

Я перебирал слова, свои и ее, искал, где ошибся. Может быть, не надо было говорить так красиво, так громко, так уверенно. Может быть, надо было просто остаться. Молча. Вдвоем. Ничего не обещая.

Может быть, нам уже стоило жить отдельно.

Мысль пришла не как удар, а как тяжесть, медленно опускающаяся в грудь. Я сжал переносицу, закрыл глаза. В голове снова и снова крутились кадры утра — ее руки в моих, ее голос, ее глаза, когда она сказала «я буду ждать».

Телефон в кармане коротко вибрировал.

Я достал его. На экране высветилось имя Фионы.

Я смотрел на мигающий дисплей. Секунду. Две. Три.

Экран погас.

Я убрал телефон обратно в карман.

Магазин был пуст. Часы тикали. Где-то за окном проехала машина, и звук растаял в сером утре.

Я сидел на стуле под кассой и смотрел на дверь, в которую она не вошла.

## Глава 2

Магазин пахнет пылью и дешёвым кофе. Я стою за кассой уже шестой час, и спина ноет ровно в той точке, где лопатка встречается с позвоночником. Покупателей почти нет — вторник, середина дня, город вымер, как будто все разом вспомнили, что у них есть дела поважнее, чем покупать сигареты и жвачку.

Телефон вибрирует о стеклянную стойку. Я смотрю на экран — её имя. Провожу пальцем по экрану, подношу к уху и слышу дыхание. Тяжёлое, обрывистое, как будто она только что бросила что-то важное, чтобы успеть схватить трубку.

— Ты почему сбросил?

Голос тихий. Но обида в нём сидит холодная, как монета, зажатая в кулаке.

— Не успел взять телефон.

Пауза. Она выдыхает — резко, с присвистом:

— И что теперь? Снова скучаешь по Лиции?

Я смотрю на витрину. На стекле — отпечаток чьей-то ладони, разводы жира. Надо бы протереть. Но рука не тянется.

— Отпустил её домой. К её молодому человеку. А я сижу в магазине, людей сегодня мало.

Тишина на том конце провода густая, как сироп. Я слышу, как она дышит — медленнее теперь, но всё ещё тяжело. Словно воздух ей не помещается в лёгкие целиком, она заглатывает его кусками.

— Значит, отпустил, — говорит она, и в голосе проступает холод. — А меня почему не спросил, прежде чем уходить сегодня утром?

Я провожу рукой по лицу. Усталость сидит под веками, как песок.

— Я думал, может, моё вечное брожение по дому тебя немного напрягает. Вот и решил дать тебе сегодня небольшой отдых от меня. — Смотрю в окно, на серое небо. — А ты сегодня дома, у тебя выходной. Сходила бы погулять.

Она смеётся. Тихо, почти неслышно, но я улавливаю. Трубка вздрагивает от её смеха — и я знаю, что она улыбнулась. Не губами. Глазами.

— Отдых? — Голос становится мягче, холод уходит. — Ты серьёзно думаешь, что я пойду гулять по паркам?

— С подругами. Почему нет?

Пауза. Долгая. Достаточно долгая, чтобы я успел снова заметить отпечаток на стекле. Она выдыхает:

— Какие ещё подруги? — Голос режет. — Я не хочу никуда гулять с ними.

Я наклоняюсь, опираясь локтем о прилавок. Костяшки пальцев белеют.

— Так я тебя и не заставляю. Я просто предложил один из вариантов. — Я закрываю глаза, вижу её. — Я знаю, что ты сейчас валяешься на кровати опять голышом.

Смех. Горячий, короткий. Она теряет всю жёсткость мгновенно, как будто стряхивает кожу.

— А ты меня просветил уже, — шепчет она, хрипло. — Да, лежу. И жду тебя вечером.

Я улыбаюсь, сам не замечая. На душе становится спокойно — тепло медленно спускается от головы к груди, к животу, принося с собой лёгкое, нежное, парящее чувство.

— Хорошо. Как закончу работу, вернусь обратно к тебе домой.

Она прижимает трубку к груди. Я слышу шум — ткань, её дыхание, тяжёлое и частое, как будто она бежала, хотя знает, что я знаю: она лежит.

— Только попробуй опоздать, — шепчет она в пустоту.

Я сбрасываю. Кладу телефон в карман — он входит туда плотно, как будто я не хочу его выпускать. Провожу рукой по карману куртки — нащупываю пачку сигарет.

На улице темнеет. Зажигаю одну. Затагиваюсь глубоко, до лёгкой дрожи в пальцах.  
— Скучно, — бормочет кто-то у кассы.

Покупатель. Мужчина лет сорока, в куртке, помятой на локтях. Он смотрит на витрину, не на меня. Пальцы нервно сжимают край куртки.

— Две пачки «Винстон», и зажигалку.

Я поворачиваюсь к стеллажу, достаю пачки. Белые прямоугольники лежат на прилавке. Пробиваю.

— Как будете платить?

— Картой.

Я настраиваю терминал. 320 рублей. Зелёный свет, писк, он прикладывает карту. Благодарит. Уходит. Дверь захлопывается с лязгом, и в магазине снова тишина.

И тут — уведомление. Короткая вибрация. Я достаю телефон.

Экран загорается. Сообщение от Фионы.

«Ты скоро?»

Смотрю на дверь. Замок щёлкает, хотя я его не трогал.

Она стоит на пороге. Знакомая фигура. Съезжает плечом с косяка, игнорирует табличку «Закрыто» — я даже не заметил, как повесил её. Смотрит на меня, и взгляд её скользит по моему лицу, по рукам, по футболке. Останавливается на пальцах, сжимающих телефон.

— Десять минут? — выдыхает она хрипло, делая шаг вперёд. — Я провела их здесь.

— Я не против. Мне так даже спокойней будет с тобой.

Она молча проходит мимо меня за прилавок. Пальцы касаются моей руки — лёгкое, мимолётное прикосновение, но я чувствую его до локтя. Она обхватывает меня за шею, и её губы почти касаются моего уха.

— Я не собираюсь ждать на улице. — Шёпот. — Ты закончил?

— До закрытия ещё десять минут. А так... да.

Она медленно выдыхает. Прижимается ко мне — грудью, животом, бёдрами. Её губы касаются моей шеи, и я чувствую жар её кожи.

— Я закрою прямо сейчас.

Она отпускает меня. Идёт ко входу уверенно, как хозяйка — нажимает выключатель, опускает шторы. Поворачивает ключ в замке. Короткий щелчок.

Всё.

Я ухожу в коморку. Собираю вещи — куртку, портфель. Медленно. Не хочу торопиться. Хочу, чтобы она ждала меня у входа, чтобы я нашёл её глазами.

— Всё, — говорит она тихо, появляясь в дверях. — Магазин закрыт.

Я поднимаю портфель левой рукой. Правую протягиваю ей — она берёт её, и я глажу её пальцы, ладонь, веду рукой по костяшкам. Она замирает. Дышит. И смотрит на меня.

— Уходишь? — шепчет. — Или остаёшься?

— Идём домой.

Она выдыхает. Отпускает мои пальцы медленно, неохотно.

— Нам больше нечего здесь терять.

Мы выходим. Я закрываю дверь, проверяю, слушается ли замок. Машина стоит с другой стороны улицы — я нажимаю кнопку, и дворники моргают, приветствуя нас. Открываю ей дверцу, она садится, и я прошу:

— Закрой дверь.

Она захлопывает её, и в салоне становится тепло. Запах её духов — тонкий, сладкий — заполняет пространство. Она откидывается на сиденье, и я вижу, как на мгновение веки её тяжелеют.

— Наконец-то, — шепчет она. — Поехали.

Я поворачиваю ключ. Двигатель заводится мягко, почти без звука. Нажимаю педаль.

Мы едем молча. Город проплывает за окнами — фонари, фары встречных машин, тёмные витрины. Я смотрю на дорогу, она смотрит в окно, но я чувствую, как её внимание приковано ко мне. Как она поворачивается, смотрит на мой профиль. Как пальцы её ложатся на сиденье между нами, и я накрываю их своей ладонью.

Несколько минут. Мы останавливаемся возле нашей квартиры. Глушу мотор. Выходим.

Она заходит первой. В прихожей темно — я не включаю свет. Она поворачивается ко мне, и в темноте я вижу лишь очертания плеч, линию ключицы, блеск глаз.

— Теперь мы одни, — говорит она, и ладонь её ложится мне на грудь. Тяжёлая, тёплая.

Я бросаю портфель в кресло. Он падает с глухим стуком. Она смотрит на меня — в темноте её глаза кажутся чёрными, глубокими, как колодцы.

— Ты обещал, — шепчет она, и пальцы её скользят вверх. Цепляются за воротник моей футболки. Она тянет меня ближе — медленно, пока я не оказываюсь совсем рядом.

Я чувствую её дыхание. Тёплое, частое.

— И я ждала весь день.

Её пальцы сжимают ткань, и я наклоняюсь вперёд. В темноте прихожей нет ничего, кроме её дыхания, её жара, её пальцев, скомкавших мою футболку.

Я провожу рукой по её плечу — она дрожит. Или это я дрожу. Границы стираются, и остаётся только то, что она ждала, а я вернулся.

Она стояла в дверях.

Свет из прихожей падал на её босые ступни, на край белой ночной рубашки, на рассыпавшиеся по плечам волосы цвета морской воды в шторм. Она не улыбнулась. Она смотрела на него так, будто ждала этого мгновения весь день — и теперь, когда он здесь, не знала, с какой стороны к нему подступить.

— Мои планы очень просты, — сказала она наконец. Голос низкий, с хрипотцой, будто она только что проснулась. Или ещё не легла. — Только не смей опаздывать.

Он шагнул через порог, и дверь за ним закрылась сама собой — щелчок замка, отсекающий весь остальной мир.

Он поцеловал её в лоб — просто, без подготовки, как дышат. Она замерла. Секунду, две. Потом выдохнула — и этот выдох был длиннее, чем позволяли лёгкие. Она обхватила его шею обеими руками, притянула его лицо к себе, и он почувствовал её губы у своего виска, у скулы, у уголка рта — нецелующие, только дышащие.

— Скучал? — спросила она шёпотом, хотя ответ был не нужен.

Он подхватил её под бёдра. Она охнула — коротко, удивлённо — и обхватила его ногами, вцепившись пальцами в его плечи. Вес её был знакомым, правильным, будто его руки помнили его с рождения. Она уткнулась лицом в его шею, и он чувствовал, как бьётся её пульс — не на запястье, а где-то глубоко внутри, в горле, в ключицах, в том месте, где её кожа встречалась с его.

— Очень, — выдохнула она в его кожу. — Совсем скучно без тебя.

Он целовал её шею — медленно, не торопясь, пока нёс через прихожую. С каждым шагом её пальцы забирались всё выше под его футболку — сначала кончиками, потом всей ладонью, горячей и настойчивой.

— Не останавливайся, — шепнула она.

Он опустился на диван, сажая её себе на колени, и она прижалась теснее, обхватив его за шею, целуя его ключицу, его плечо, его скулу — торопливо, жадно, будто пыталась запомнить его кожу на вкус.

Он гладил её по спине — долгими, успокаивающими движениями, чувствуя, как под тонкой тканью постепенно расслабляются мышцы. Она тяжелела на руках — не от усталости, от доверия. Её дыхание выравнивалось, замедлялось, и скоро он понял, что она спит — по-настоящему, тем глубоким сном, который приходит только когда рядом кто-то свой.

Он сидел неподвижно, боясь вдохнуть слишком громко.

Потом медленно, осторожно, миллиметр за миллиметром, он поднялся, перехватывая её вес поудобнее, и понёс на второй этаж. Она вздохнула во сне, уткнувшись носом в его плечо, и пальцы её сами нашли складку его футболки и сжали её.

Дверь в её комнату была приоткрыта. Он толкнул её плечом, шагнул внутрь, в темноту, где пахло её духами и чистым бельём. Опустил её на кровать — медленно, будто она была из стекла. Откинул угол одеяла, укрыл её, поправил край у подбородка.

Наклонился.

Поцеловал в лоб.

— Доброй ночи, мой Окиан, — одними губами.

Она не открыла глаз, но губы её дрогнули в улыбке. Она перевернулась на бок, утыкаясь горячим носом в его подушку, и сквозь сон, неразборчиво, почти беззвучно, выдохнула:

— Моя...

Он сел в кресло у кровати.

Ночь уже обволокла весь город — за окном было темно и тихо, только редкие фары прорезали темноту и гасли где-то внизу. Он взял её руки в свои — маленькие, тёплые, расслабленные. Иногда наклонялся к её виску и целовал — легче лёгкого, дыханием почти.

Она улыбалась во сне.

— Оставайся, — пробормотала она, не размыкая век. Пальцы её нащупали его, переплелись с ними. — Не уходи.

Он осторожно перебрался к ней на кровать. Лёг рядом, повернувшись к её лицу — белому в лунном свете, спокойному, с разметавшимися по подушке волосами. Обнял её за талию — открыто, не отпуская.

Она прижалась спиной к его груди, и на выдохе, уже проваливаясь обратно в сон, сказала:

— Наконец-то.

Он вдыхал её запах — море, соль, что-то сладкое и тёплое — и медленно закрывал глаза.

Утро наступило слишком быстро.

Солнце било в незашторенное окно, и Фионеса ворочалась, утыкаясь лбом в его грудь, прячась от света.

— Пять минут, — сонно пробормотала она, обнимая его крепче. — Только пять.

Он открыл глаза. Смотрел на неё — на разметавшиеся волосы, на белую кожу, на приоткрытые губы, на ресницы, дрожащие во сне. Потом улыбнулся, тихонько поцеловал её в щёку и осторожно, стараясь не разбудить, поднялся из тёплого одеяла.

Подошёл к окну. Задёрнул шторы. В комнате стало полутемно, и она вздохнула во сне свободнее.

Вышел. Закрыл за собой дверь.

В ванной он разделся — скинул всё, включая бельё, пустил воду и забрался в ванну. Горячая вода обожгла кожу — приятно, до мурашек. Он закрыл глаза и медленно погрузился глубже, чувствуя, как тепло растекается по телу, смывая вчерашнюю усталость, дорогу, всё лишнее.

Тишина квартиры была плотной, почти осязаемой. Только шум воды — монотонный, успокаивающий.

Он не слышал стука в дверь.

Фионеса в панике вскочила с кровати.

Стук повторился — громче, настойчивее. Она скатилась с кровати, добежала до лестницы, сбежала по ступенькам и рывком распахнула дверь.

На пороге стояла Лиция — лениво переминаясь с ноги на ногу, с лёгкой улыбкой на лице.

— Открой, — медленно протянула она. — Мне нужно поговорить с твоим другом.

Фионеса сжала ручку двери так, что побелели костяшки.

— Уходи, — глухо бросила она. — Сейчас очень неудобное время.

Лиция тихо усмехнулась.

— Не смейся, — резко ответила Фионеса, прижимаясь спиной к двери, будто могла заслонить собой весь дом. — Уходи.

— Он там? — спросила Лиция, и в голосе её было что-то тёмное, знающее.

Фионеса тяжело дышала, не отвечая.

Сверху, из ванной, доносился шум воды.

Он выключил кран и услышал голоса — приглушённые, напряжённые.

Фионеса снова ругалась с Лицией. Он узнал бы этот тон — раздражённый, с металлической ноткой, которая появлялась, когда её что-то задевало всерьёз.

Он вышел из ванны, накинул на бёдра белое матовое полотенце — закрутил его, проверил, не упадёт ли, и спустился вниз.

Фионеса стояла в прихожей — вся напряжённая, взвинченная. Он подошёл сзади, обнял её, уткнувшись губами в шею.

Она вздрогнула. Потом выдохнула — но не расслабилась.

— Я же просила, — хрипло шепнула она ему на ухо, не глядя на него, глядя сквозь дверь, за которой ждала Лиция. — Не отвлекайся.

Он прижал её к себе крепче, скользнув ладонью по её животу поверх тонкой ночной рубашки. Она тихо дышала, всем телом подаваясь назад — в его руки, в его тепло.

За дверью раздался новый стук.

— Я никуда не уйду! — крикнула Лиция сквозь дерево. — Открывай!

— Мой Окиан, — сказал он тихо, почти ей в волосы. — Давай её выслушаем. Она ведь правда будет сидеть тут до утра.

Фионеса тяжело выдохнула. Разжала пальцы на ручке.

— Ладно, — бросила она глухо. — Только быстро.

Она резко распахнула дверь.

Лиция замерла на пороге. Её взгляд скользнул по нему — по влажным волосам, по голым плечам, по полотенцу на бёдрах. Она прикусила губу.

— Здравствуй, — медленно, с хрипотцой протянула она.

Он вежливо улыбнулся и, сложив руки на груди, повернулся к лестнице.

Фионеса шагнула вперёд, преграждая ему путь.

— Стой, — выдохнула она, бросив тёмный взгляд на Лицию. — Никуда ты не уйдёшь.

Она смотрела на него — требовательно, собственнически, с той же тёмной нежностью, с которой шептала «моя» во сне.

— Я хочу одеться, — сказал он тихо. — Ты прости, конечно, я полностью голый, кроме полотенца.

Она слабо улыбнулась — впервые за всё утро.

Отступила.

— Одевайся, — хрипло сказала она, и пальцы её на мгновение скользнули по его щеке.  
— Только быстро.

Он поднялся на второй этаж.

В комнате было тихо — пахло сном, ею, вчерашним вечером. Он открыл комод, достал трусы, носки, спортивные чёрные штаны, футболку.

Снизу доносились голоса — приглушённые, напряжённые. Он не вслушивался в слова. Он знал, что Фионеса справится. Или не справится — и тогда он спустится и встанет рядом.

Но сначала — одеться.

Он закрыл глаза на секунду, прислушиваясь к шуму воды, оставшейся в трубах, к своему дыханию, к стуку собственного сердца.

Снизу её голос — теперь он услышал его отчётливо:

— Я сказала — он занят.

И шаги к лестнице. Тяжёлые, быстрые.

Она шла к нему.

Дверь захлопнулась. Звук ударил в спину Фионесы — она стояла, прижавшись лопатками к дереву, и не открывала глаза. В груди колотилось. Ладони — распластанные по поверхности, пальцы вцепились в краску, будто она могла удержать дверь на месте, запечатать её навсегда.

В ушах ещё стоял Лициин смех — колкий, слишком громкий для этой кухни, для этого дивана, для этой жизни. И взгляд — тот самый взгляд, которым она окинула его, когда сказала: \*«Три года? Ни разу не заходил ко мне в гости?»\*

Фионеса открыла глаза.

Она помнила всё. Каждую секунду той сцены — как собственное тело, натянутое до звона. Как её пальцы впивались в твоё плечо, пока ты сидел рядом — слишком расслабленный, слишком добрый. Как она смотрела, как Лиция перебирает прядь волос, лениво, по-кошачьи, и тянет: \*«А ты совсем забыл про меня?»\*

И ты — ты повернул голову, встретил её взгляд. И сказал спокойно, без тени напряжения: \*«Ну, молодая мисс, как я знаю, у вас есть молодой человек. Его зовут Игорь.»\*

Фионеса задержала дыхание. Она тогда вцепилась в твоё плечо так, что ногти, наверное, оставили синяки. Ты не дёрнулся.

Лиция отдёрнулась первой — фыркнула, отвела взгляд. \*«Игорь? Это давно в прошлом.»\*

И Фионеса снова напряглась — до боли в челюсти, до дрожи в пальцах. Но ты наклонился к ней, поцеловал в голову, шепнул так тихо, что слова легли в кожу, а не в воздух: \*«Тише, мой волшебный океан. Не стоит злиться и бурлить.»\*

И она замерла. Послушно отпустила плечо.

— \*«Как скажешь,»\* — прохрипела тогда, и голос осел пеплом.

Всё.

А теперь Лиция ушла. Оставила после себя запах духов, привкус фальши и пустой диван.

Фионеса выдохнула. Медленно отклеилась от двери. Прошла в гостиную — ты стоял у окна, смотрел, как Лиция садится в машину. Фионеса остановилась в метре, не решаясь подойти.

— Ты слишком добр, — тихо сказала она, скрещивая руки на груди. Слова вышли сухими, как листья. — Она явно не просто так пришла.

Ты обернулся. И в твоих глазах не было ни раздражения, ни усталости — только та самая тёплая ровность, от которой у неё каждый раз сжималось сердце.

\*«Просто обнял старую подругу,»\* — сказал ты.

Фионеса сглотнула.

\*«Старую?»\* — выдохнула она, шагнув к тебе. \*«Она только что пыталась тебя соблазнить.»\*

Ты шагнул навстречу. Поцеловал её в лоб — и она зажмурилась, как от света.

\*«А ты меня всегда ревнуешь, когда я только выхожу из дома, как вчера. Да, моя солёная волна?»\*

Фионеса тяжело сглотнула. Подошла вплотную — прижалась грудью к твоей, уткнулась лбом в плечо.

— Потому что ты уходишь, — глухо сказала она в ткань твоей футболки.

Ты ничего не ответил. Просто подхватил её под колени, рванул вверх — и Фионеса ахнула, обхватив твою шею руками, прижимаясь щекой к твоей щеке.

— \*Идём кушать,\* — шепнул ты ей в висок.

Она тихо рассмеялась — коротко, хрипло, как выдох.

— Кушать? — повторила она, чувствуя, как тепло разливается по животу. — Я голодна.

Ты нёс её через коридор, и она смотрела, как проплывают мимо стены, дверные проёмы, фотографии в рамках — их жизнь, собранная по кускам за три года. Твои руки под её бёдрами — тёплые, уверенные. Она положила голову тебе на плечо и закрыла глаза.

Кухня встретила запахом вчерашнего хлеба и утренней горечи. Ты опустил её на стул — медленно, будто она была из стекла — и придвинул ближе к столу.

\*«Будешь яйца с беконом?»\* — спросил ты, уже шагнув к плите.

Фионеса посмотрела на твою спину — на то, как ты нажимаешь кнопку вытяжки, как загорается подсветка, как твои руки двигаются с привычной точностью. Масло на сковороду. Плита — жар. Яйца — три штуки, одно за другим, аккуратно, чтобы не разбить желток.

— Буду, — тихо сказала она, прикусывая губу. — Но сначала покорми меня.

Ты обернулся через плечо. Улыбнулся — краем губ.

\*«Тогда наберись терпения, моя муза.»\*

Фионеса смотрела, как ты жарешь бекон, как переворачиваешь яйца лопаткой, как посыпашь солью — щепоткой, брошенной с высоты. Вентилятор гудел ровно, масло шипело, и в этом шипении таял остаток Лициинового голоса, её смеха, её колких глаз.

Через десять минут ты поставил перед ней тарелку: яйца — с золотистыми краями, бекон — хрустящий, поджаристый. Придвинул вилку.

\*«Приятного аппетита.»\*

Фионеса взяла вилку. Отрезала кусочек бекона — тонкий, с хрустящей корочкой — и поднесла его к твоим губам.

— Открой, — хрипло сказала она, не отводя взгляда. — Корми меня.

Ты замер на секунду. Потом взял вилку из её рук — аккуратно, пальцы коснулись пальцев — и, чуть дунув на еду, протянул обратно к её губам.

Фионеса приоткрыла рот. Медленно прожевала, не отрывая от тебя глаз. Яйцо таяло на языке, бекон хрустел, соль оседала на губах.

— Вкусно, — прошептала она, наклоняясь через стол. — Теперь ты.

Ты покачал головой. \*«Ешь. Я не голодный.»\*

Фионеса проглотила комок в горле. Опустила взгляд в тарелку — и почувствовала, как в груди разливается что-то тёплое и горькое одновременно. Она откусила ещё кусочек — медленно, со вкусом, чувствуя, как еда уходит внутрь, заполняя пустоту.

— Тогда я съем всё, — прошептала она, поднимая глаза, и наклонилась через стол ближе, потянувшись горячими пальцами к твоей щеке, погладила скулу. — И тебя тоже.

Ты не отстранился. Только улыбнулся — той тихой улыбкой, от которой у неё подкашивались колени ещё шесть лет назад.

\*«Моя леди, тебе двадцать четыре года, а ведёшь себя как девочка.»\*

Фионеса тихо засмеялась. Провела пальцами по твоей щеке — от скулы к подбородку, ощущая щетину, тепло, жизнь.

— Только с тобой, — хрипло сказала она, и голос сел до шёпота. — Разве тебе это не нравится?

\*«Нет, я не против, моя муза.»\*

Фионеса замерла. Эти слова — они ударили под дых, прострелили позвоночник, оставили её без воздуха на секунду. Она смотрела тебе в глаза — и видела в них ту самую глубину, от которой у неё каждый раз захватывало дух.

Она потянулась к тебе через стол. Медленно, не разрывая взгляда. Ты не отводил глаз. Стол между вами был узким — всего метр, и она почти легла грудью на кромку, подтягиваясь ближе, чувствуя, как воздух между вами становится густым, вязким, тёплым.

Ты тоже наклонился.

Её пальцы легли тебе на затылок. Губы — в миллиметре от твоих.

И зазвонил телефон.

Резко. Противно. Как гром среди ясного дня.

Фионеса дёрнулась, как от удара. Глаза распахнулись, зрачки сузились. Телефон — её телефон — вибрировал на столешнице, разрывая тишину, разрывая её кожу, разрывая всё, что они только что строили.

Она посмотрела на экран.

Начальник. 45 лет. Виталий Александрович.

Рука потянулась к трубке сама, помимо воли. Она взяла, прижала к уху, и голос на том конце — деловой, сухой, мужской — ударил по барабанным перепонкам:

— \*Фионеса, срочно на работу. Заказов много, торты сегодня все разберут. Выезжай.\*

Она открыла рот, чтобы ответить, — и ничего не сказала. Только смотрела на тебя через стол, на твои глаза, в которых ещё не остыло тепло, на свою руку, застывшую на полпути к твоему лицу.

— Я выезжаю, — выдохнула она в трубку. И отключилась.

Телефон лёг на стол. Между ними. Маленький чёрный прямоугольник, перерезавший всё, что начало прорастать в воздухе кухни.

Фионеса подняла на тебя глаза.

В них больше не было голода. Только усталость — и вопрос, застрявший в горле, который она так и не задала.

## Глава 3

Телефон вибрирует на столе — не звонок, не уведомление, а настойчивое, глухое гудение, от которого мелко дрожит стеклянная поверхность. Фионеса замирает с вилкой в руке, смотрит на экран, и я вижу, как её лицо меняется — не раздражение, а усталость, которая уже стала привычной формой покорности.

— Начальник, — шепчет она, не поднимая глаз. — Только не сейчас.

Экран вспыхивает снова. Четвёртый раз подряд.

Я тянусь и целую её в голову — в макушку, где волосы ещё пахнут утренним сном, тёплые, спутанные.

— Надо ответить, — говорю я.

Она тяжело вздыхает, откладывает вилку, берёт трубку.

— Да. — Голос глухой, плоский. — Еду.

Она вскакивает так резко, что стул скрипит по полу. Хватает куртку с крючка, накидывает на плечи, уже бежит к двери — и я вижу, что под курткой тонкая ночная рубашка, почти прозрачная, домашняя.

— Ты хоть оденься, Фионеса. Ты ещё в ночнушке.

Она замирает, опускает взгляд, и на лицо наплзает тень смущения — или досады, уже не разобрать.

— Чёрт.

Куртка летит на пол. Она бежит вверх — я слышу, как грохают её шаги по лестнице, потом глухой удар, падающая коробка.

— Я жива! — кричит она оттуда.

Я усмехаюсь про себя.

— Возьми мою машину! — кричу я в ответ. — Ключи на полке в коридоре — быстрее будет.

Сверху — звон ключей, быстрые шаги обратно. Она распахивает дверь спальни, уже в джинсах и свободной футболке, волосы собраны наспех.

— Вернётся, — выдыхает она, бросая взгляд в мою сторону, и срывается вниз.

Я машу ей рукой, стоя у порога.

— Хорошего дня.

Дверь захлопывается с грохотом. В пустой квартире повисает тишина — та особая тишина, когда воздух ещё не успел остыть после ушедшего человека, но уже начинает заполняться пустотой.

— Будет, — доносится глухо сквозь дерево, и шаги затихают на лестничной клетке.

Я стою. Смотрю на закрытую дверь. Слышу, как стихает звук её шагов — сначала громкий, цокающий по плитке, потом глуше, глуше, и наконец — хлопок подъездной двери вниз.

И тогда — новый стук.

Тихий. Почти робкий. Так стучат, когда не уверены, что их впустят, но готовы стоять до конца.

Я подхожу медленно. Руки не дрожат. Внутри — никакого волнения, только странное спокойствие, как будто я знал, что это произойдёт, ещё до того, как первый звонок оторвал Фионесу от ужина.

Поворачиваю замок. Тяжёлая железная дверь открывается.

Она стоит на пороге в розовом пальто — на щеках румянец, дыхание сбито, глаза бегают, но губы уже складываются в улыбку, которую она не может сдержать.

— Я забыла свой телефон, — говорит она тихо, опуская глаза.

Ложь такая прозрачная, что её можно разглядеть насквозь. Взгляд скользит по пустому коридору у меня за спиной — быстрый, жадный, проверяющий.

— Фионесы тут нет, — говорю я. — Она уехала только что на работу.

Лиция делает шаг в прихожую. Медленно, лениво, как кошка, которая знает, что её впустят.

— Телефон я вспомнила, — шепчет она, и голос уже хриплый, низкий. Она прикусывает губу, прикрывает дверь за собой. — Я просто не хотела там одна оставаться.

Я киваю. Разворачиваюсь и иду на кухню.

Она за мной — бесшумно, почти не касаясь пола. Я чувствую её присутствие затылком, кожей на шее, тем местом между лопатками, куда она сейчас смотрит.

Я включаю газ. Синяя спичка лизнула пальцы — я чиркаю, зажигаю конфорку, ставлю чайник. Всё медленно, как в воде. Время здесь течёт иначе — вязко, тягуче, как горячий мёд.

И тут её руки — сзади, обхватывают меня за талию. Тёплые пальцы смыкаются на моём животе, нос утыкается в шею, дыхание — горячее, частое — щекает кожу.

— Она забывает запирать дверь, — шепчет Лиция мне в заговорок. — И своих мужчин.

Я поворачиваюсь к ней — медленно, одной рукой обнимаю за талию, другой глажу по голове. Волосы у неё мягкие, светлые, струятся сквозь пальцы, как вода.

Она выдыхает — тихо, послушно — и прижимается грудью к моей. Пальцы скользят под футболку, горячие, нетерпеливые.

— Она тебе не нужна, — хрипло шепчет Лиция, запрокидывая голову, закрывая глаза. — Ты мой.

Чайник свистит.

Резко, громко, выплёскивая воду из носика на плиту — шипящая белая струя. Лиция вздрагивает, но не отпускает меня — только пальцы впиваются в талию сильнее, жёстче.

— Дай я налью, — шепчет она. — Она же не дожждётся.

Я целую её в голову, отстраняюсь на секунду, поворачиваюсь к полке. Достāju две кружки — красную и зелёную. Она уже выключила чайник, наливает кипяток, и пар заволакивает её лицо, делает черты мягче, туманнее.

Я подаю ей кружку — она берёт, обжигает пальцы, но не отрывает от меня взгляда.

— Спасибо, — хрипло шепчет она, делая медленный глоток. Её губы влажные, блестящие. — Она действительно хороша.

Я отодвигаюсь от неё, подхожу к столу, отодвигаю стул. Жестом приглашаю сесть.

Она опускается напротив. Взгляд жадно цепляется за моё лицо — как будто она пьёт меня вместо чая, дышит мной вместо воздуха.

— Что дальше? — тянет она хрипло, не отрывая глаз от моих рук.

Я снова поворачиваюсь к плите, протягиваю руку, беру пачку пряников с полки. Кладу на стол перед ней.

— Приятного аппетита.

Она усмехается. Берёт один пряник, медленно прикусывает. Крошки падают на стол, на её колени, на розовое пальто.

— Это слишком скучно, — шепчет она, придвигаясь на стуле вплотную ко мне. — Покорми меня сам.

Я беру пряник. Протягиваю ей к губам.

Она послушно приоткрывает рот, медленно откусывает прямо из моей руки. Её горячие пальцы слегка сжимают мои — не благодарность, а требование.

— Вкусно, — шепчет она, наклоняясь ближе.

Я улыбаюсь про себя. Продолжаю неспешно кормить её — кусок за кусочком, крошка за крошкой. Она послушно открывает рот, не отрывая жадного взгляда от моего лица. Облизывает губы, с которых осталась сладкая пыль.

— Можно ещё, — хрипло шепчет она, крепко сжимая мои пальцы.

— Да.

Она медленно встаёт со стула. Делает шаг — вплотную ко мне, так что я чувствую жар её тела сквозь ткань.

— Ты слишком добрый, — шепчет она, поднимая голову, и впивается глубоким поцелуем в мои губы.

Я отвечаю.

Она вздыхает — внутрь меня, в самый рот — и углубляет поцелуй. Её язык скользит властно, жадно, как будто она хочет забраться внутрь и остаться там навсегда.

— Мой, — шепчет она, отстраняясь на миллиметр, разрывая поцелуй только для того, чтобы снова в него нырнуть.

Я резко хватаю её за талию. Нежно — и с силой — прижимаю к себе. Мой язык проникает прямо вглубь её рта, не давая возможности сказать, вздохнуть, отстраниться. Одна рука гладит спину — сверху вниз, медленно, успокаивающе — а языком я медленно проталкиваю ей в горло таблетку снотворного, которую приготовил, когда заваривал чай, и незаметно взял в рот ещё до того, как её губы коснулись моих.

Она глотает.

Не замечая. Не чувствуя. Слишком занятая тем, чтобы брать — брать меня, брать этот поцелуй, брать то, что она считает своим по праву.

Мы стоим так долго — в тишине пустой квартиры, на кухне, где ещё не остыл чай в кружках, где на столе лежат раскрошенные пряники, где воздух тяжёлый и сладкий, как сироп.

Она начинает тяжелеть в моих руках. Веки опускаются. Дыхание ровнеет, становится глубоким.

Я подхватываю её, поднимаю на руки — она лёгкая, почти невесомая. Несу в спальню. Укладываю на кровать. Снимаю с неё пальто — бережно, как спящего ребёнка.

Она что-то бормочет во сне. Что-то про мёд, про воду, про то, что ей жарко.

Я сижу рядом. Смотрю на неё — на эти закрытые глаза, на этот беззащитный рот, полуоткрытый в забытии.

Встаю. Выхожу в коридор. Закрываю за собой дверь спальни.

На кухонном столе стоят две кружки. Зелёная — моя, полная остывшего чая. Красная — её, пустая.

Я беру свою кружку. Делаю глоток. Чай уже совсем холодный, горьковатый.

Ставлю кружку в раковину. Сметаю крошки со стола в ладонь — они пахнут имбирём, сахаром, чем-то тёплым и рукотворным.

Высыпаю их в мусор.

Сажусь на диван в гостиной. Темнеет. За окном гаснут огни — сначала дальние, потом ближние.

Я сижу и жду, когда в спальне перестанет дышать ровно — когда дыхание станет глубже, растянется, замедлится до той границы, за которой уже не слышно ничего, кроме тишины.

Она почувствовала это еще до того, как увидела.

Не запах. Не звук. Что-то в самом воздухе — его плотность, его неподвижность. Дверь, которую она оставила открытой — она помнила, как толкнула ее плечом, возвращаясь за забытыми ключами, — теперь была заперта. Фионеса нащупала в кармане свою связку, вставила ключ в замок. Щелчок. Слишком громкий в тишине прихожей.

Она сняла куртку медленно, прислушиваясь к дому.

Телевизор в гостиной работал. Голос диктора — ровный, ни о чем. Она прошла босиком по холодному полу, завернула за угол, и увидела его.

Он полулежал на диване, голова запрокинута, глаза закрыты. Ресницы не дрожали. Дышал ровно, глубоко — провалился в сон, как в яму. Фионеса замерла на секунду, наблюдая, как медленно поднимается и опускается его грудь. Потом опустила на край дивана. Пружины скрипнули.

— Ты уснул? — шепнула она, касаясь его щеки. Кожа теплая. Пульс под пальцами — спокойный, ленивый.

Он открыл глаза не сразу. Сначала моргнул, фокусируясь, узнавая ее. Потом улыбнулся краешком губ.

— Уже вернулась?

Фионеса кивнула. Ее пальцы не убралась с его щеки — скользнули ниже, к шее, к яремной впадине, где пульс бился ровно и глухо. Она считала удары. Семь за пять секунд. Спокойный пульс. Слишком спокойный.

— Да, — выдохнула она. — А почему ты так странно дышишь? И что здесь делает Лиция?

Он не вздрогнул. Даже бровью не повел. Просто посмотрел на нее снизу вверх, и в его глазах не было ни тени паники.

— Она пришла на чай. И видать на улице было жарко — за столом потеряла сознание.

Фионеса замерла. Ее пальцы застыли на его шее, но не нажали, не сдавили — просто лежали, как забытые.

— Ты уверен? — спросила она хрипло. — Я оставила дверь открытой.

— Дверь была закрыта.

Она смотрела на него. Он смотрел в ответ. Между ними висело что-то тяжелое, плотное, как слой пыли, который оседает на легкие.

Она медленно встала. Диван скрипнул, отпуская ее вес. Она не сводила с него глаз.

— Значит, ты ее пустил, — глухо протянула она. Пальцы сами нашли край куртки, сжали ткань. — И почему Лиция спит у нас наверху?

Он все еще не вставал. Лежал, запрокинув голову на подушку, и смотрел на нее снизу — расслабленный, почти ленивый. Как будто ничего не происходит. Как будто в их спальне не спит чужая женщина.

— Она спит в твоей комнате. На твоей кровати. Я не стал ложить ее в свою, чтобы потом ты не кричала, что я в свою койку другую девушку пихнул.

Фионеса усмехнулась. Коротко. Без тепла.

— Какая забота, — она шагнула к лестнице. — Я сама ее проверю.

Она поднялась по ступеням. Каждая доска под ногами издавала знакомый скрип — но сейчас он звучал иначе, как будто дом тоже знал, что что-то не так.

Дверь спальни была приоткрыта. Фионеса толкнула ее ладонью — и увидела Лицию.

Она лежала на боку, лицом к стене. Одеяло было натянуто до плеч. Дышала она редко, но ровно — слишком ровно, как будто организм перешел в режим экономии. Фионеса подошла ближе. Села на край кровати. Лиция не шевельнулась.

— Эй, — позвала она тихо. — Проснись.

Ничего.

Фионеса коснулась ее плеча. Кожа была прохладной, но не холодной. Она потрясла сильнее — голова Лиции мотнулась по подушке, но веки не дрогнули.

— Проснись, — повторила Фионеса громче. Рука сжала плечо. Никакого ответа.

Она встала. Постояла секунду, глядя на спящую, потом резко развернулась и спустилась вниз так быстро, что ступени жалобно скрипнули под ее весом.

Он все еще лежал на диване. Теперь смотрел телевизор. Спокойно. Как будто ничего не случилось.

Фионеса села на край дивана. Близко. Вплотную.

— Она не просыпается, — выдохнула она, глядя ему прямо в глаза. — Что ты ей дал?

— Чай.

— Обычный чай так не действует.

Ее пальцы легли на его шею. Медленно. Почти ласково. Но она чувствовала, как под подушечками бьется его пульс — все тот же ровный, невозмутимый ритм.

— Что ты ей подсыпал?

Он не отвел взгляд. Не сглотнул. Его рука поднялась и накрыла ее ладонь на своей шее.

— Если ты мне не веришь, можешь сама посмотреть на ее кружку. Кроме зеленого чая и пряников на столе нет ничего.

Фионеса замерла. Она смотрела на него — на его спокойное лицо, на его ровные глаза, на то, как он лежит под ней и не пытается оправдываться, не суетится, не суетится. И это было хуже, чем если бы он запинаясь.

Она медленно убрала руку, наклонилась к столу. Пустая кружка. Она взяла ее, поднесла к лицу, вдохнула. Чай. Зеленый. Слабый след меда. Ничего постороннего.

— Только чай, — повторила она глухо. — Ты точно ничего не забыл?

Он приподнялся на локте и поцеловал ее в лоб. Легко. Коротко. Как будто это могло все исправить.

Фионеса вздрогнула, но не отстранилась. Ее пальцы сжали край кружки так, что побелели костяшки.

— Ты слишком спокоен, — прошептала она.

— Потому что мне нечего бояться.

Она ничего не ответила. Просто сидела и смотрела на него, и в ее голове крутилось одно и то же: \*либо он говорит правду, либо он лучший лжец, которого я встречала.\*

— Ладно, — он сел на диване, потянулся. — Пойду разбужу нашу спящую красавицу.

Он поднялся легко, без напряжения, и скрылся на лестнице. Фионеса осталась сидеть. Слышала, как скрипнули половицы наверху. Потом его голос — тихий, почти ласковый:

— Проснись. Пора вставать.

Тишина.

Фионеса встала. Поднялась следом медленно, чувствуя, как в груди нарастает холод.

Она подошла к двери спальни и увидела его — склонившегося над Лицией, касающегося ее щеки. Та не шевелилась.

— Оставь ее, — сказала Фионеса. Голос прозвучал глухо, из другого конца комнаты.

Он выпрямился, обернулся. В глазах — вопрос.

— Ладно. Как скажешь, мой океан.

Фионеса замерла. Слова ударили под дых — не содержанием, а интонацией. Такой нежной. Такой уверенной. Как будто он имел право ее так называть.

— Мой океан? — повторила она хрипло. — Ты играешь с огнем.

Он улыбнулся. Шагнул к ней, обнял за талию. Притянул к себе. Его губы коснулись ее губ — мягко, не требуя ответа, просто касаясь, как будто он имел на это право.

— Тебе не нравится мое нежное прозвище?

Фионеса замерла в его руках. Пальцы сами собой легли ему на грудь — не отталкивая, не прижимаясь, просто застыв на ткани футболки.

— Прозвище мне нравится, — сказала она медленно. — Меня пугает твоя абсолютная уверенность.

Он поцеловал ее снова. На этот раз глубже. Она ответила — коротко, почти против воли, и ее пальцы сжали ткань его футболки.

— Может быть, поэтому ты еще со мной, — выдохнул он в ее губы.

— Может быть.

Она отстранилась не сразу. В ее голосе дрожала едва заметная нота — не страха, не злости. \*Сомнения.\*

— Но почему Лиция спит так крепко?

Он посмотрел в ее глаза. Улыбнулся.

— Не знаю. Может, устала от всего. Просто организм ушел на дно — восстановление.

Фионеса не отвела взгляд. Ее пальцы сжали его футболку.

— Восстановление? — повторила она. — Ты просто слишком хорошо умеешь врать.

— Если бы я умел хорошо врать, я бы сразу разучился это делать.

Она замерла. Секунду смотрела на него в упор. Потом медленно отпустила ткань. Ее взгляд скользнул мимо него — к кровати, где неподвижно лежала Лиция. К двери спальни. К лестнице, ведущей вниз. К выходу.

— Тогда докажи, — сказала она тихо. — Уведи ее отсюда прямо сейчас.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел на нее. Фионеса ждала. В тишине было слышно, как тикают часы на кухне. Как где-то за стеной шумит ветер.

— Куда? — спросил он наконец. — Зачем? И почему я?

Фионеса молчала. Она смотрела на него, и в ее глазах не было ответа — только вопрос, который она боялась задать вслух.

Ночь застыла между ними, как лезвие.

Возвращение пахло её духами.

Я заглушил двигатель, и тишина упала на плечи — тяжёлая, влажная, та, что бывает только в чужих домах после полуночи. В прихожей горел один светильник, жёлтый, тусклый, будто лампа тоже устала. Я закрыл дверь, и щелчок замка прозвучал громче, чем надо. Фионеса сидела на диване.

Она не обернулась.

— Вернулся, — сказала она. Не спросила, а констатировала.

— Вернулся.

Я снял куртку, повесил на крючок. Прошёл в гостиную, остановился у неё за спиной. Она сидела напряжённо — спина прямая, пальцы сцеплены на коленях. Воротник её рубашки сбил набок, и я заметил, как бьётся жилка у неё на шее.

— Что? — спросил я.

— Почему ты так смотрел на меня перед отъездом? — её голос был низким, хриплым, будто она долго молчала. — Когда уезжал. Ты смотрел так, как будто... — она замялась, сглотнула. — Как будто прощался.

Я обошёл диван и сел на корточки напротив неё. Она подняла глаза — в полумраке они казались чёрными, с влажным блеском. Я взял её руку, сжал пальцы. Они были холодными.

— Разве? — спросил я.

Она отдернула руку.

— Разве? — повторила она ледяным тоном, и в этом «разве» поместилась целая ночь.  
— Ты слишком долго возился в её квартире.

Я вздохнул. Не раздражённо, а устало. Такое уже было. Такое будет всегда. Фионеса не умела терпеть паузы. Для неё каждая минута моего отсутствия — это лабиринт, где в каждом тупике прячется другая женщина.

— Я уложил её спать, — сказал я. — Она была пьяна. Я довёз её, укрыл одеялом, закрыл дверь. Всё.

— Поцеловал? — спросила Фионеса.

Я замер.

— Ты же знаешь, что нет.

— Я знаю только то, что ты говоришь, — она отвернулась к окну. В стекле отражался её профиль — острый, резкий. — А теперь объясни мне, почему я должна верить, что ты не лежишь сейчас в её кровати, если я сама не просила тебя уехать?

Я не ответил сразу. Встал, прошёлся по комнате. На журнальном столике стояла чашка с остывшим чаем, на краю — недоеденное печенье. Она ждала меня так: без телевизора, без книги, только чай и тишина.

— Послушай, — я повернулся к ней. — Ты хочешь мне поверить? Навсегда? Тогда давай сыграем свадьбу.

Она замерла.

— Что?

— Сделай мне предложение, — я улыбнулся, но не насмешливо. — Я соглашусь. Прямо сейчас. Завтра. В следующем месяце. Ты хочешь штамп в паспорте? Давай. Хочешь, чтобы я поклялся на Библии? Я поклянусь. Только перестань смотреть на меня так, будто я уже предал тебя.

Фионеса медленно опустилась на диван. Её губы дрогнули. Она провела рукой по волосам — жест, который я знал наизусть. Она делала так, когда не знала, что сказать.

— Свадьба... — повторила она. — Ты правда думаешь, что дело в ревности?

Я снова подошёл, сел рядом. Взял её ладонь, положил себе на колено. Погладил большим пальцем по внутренней стороне запястья — там, где кожа тоньше всего.

— Я знаю, что ты ревнуешь. Очень сильно. Скажешь «нет»?

Она не ответила. Только смотрела на наши руки: её пальцы, переплетённые с моими.

— Я боюсь за тебя, — прошептала она.

— Чего бояться? Мне двадцать четыре. Я взрослый парень. У меня есть машина, есть девушка, которая ждёт меня дома. Чего мне бояться?

Она резко подняла голову. В её глазах вспыхнуло что-то — не гнев, а отчаяние. Тёплое, живое.

— Именно поэтому, — её голос сорвался. — Ты не обычный парень. Ты слишком уверен в себе.

— Это плохо?

— Это опасно.

Я не стал спорить. Вместо этого я подхватил её на руки. Она ахнула, вцепилась мне в плечи, но не сопротивлялась. Её тело было лёгким — она вся была из нервов и острых костей.

— Ты такой наглец, — выдохнула она, обвивая мою шею руками.

— Я знаю.

Я нёс её через прихожую, и каждый шаг отдавался в деревянном полу. Она уткнулась носом мне в ключицу, и я чувствовал её дыхание — тёплое, прерывистое. Моя рука лежала у неё под коленями, другая — на пояснице. Я гладил её спину — от лопаток до самого низа, где ткань рубашки натягивалась на бёдрах. Она выдыхала, расслаблялась, но пальцы её впивались мне в шею жёстко, почти до боли.

Я опустил её на кровать — нашу кровать, её кровать, она давно перестала делить. Перина мягко прогнулась под её весом. Фионеса откинула голову, волосы разметались по подушке. Она перехватила моё запястье, когда я попытался отстраниться.

— Ты не уснёшь, — сказала она. Шёпотом, но это был приказ.

Я наклонился, поцеловал её в лоб. Затем в шею — там, где пульс стучал часто-часто. Она выгнулась, притянула меня к себе. Её ноги обвились вокруг моей талии, её ладони скользнули под мою футболку — горячие, жадные. Я чувствовал её кожу, пахнущую солью и чем-то сладким — может быть, шампунем, может быть, просто ей.

— Мой океан, — прошептала она в темноту.

— Мой, — ответил я.

Мы лежали, переплетённые, и я смотрел на потолок. Там, сквозь тень, проступали звёзды — дешёвые наклейки, которые она прилепила в первую неделю. «Чтобы ночью было на что

смотреть», — сказала она тогда. Я думал, что это глупо. Теперь я смотрел на них, и они казались настоящими.

Фионеса прижалась лбом к моей груди. Её пальцы перестали скользить по моей спине. Она просто лежала, слушая моё сердце. Я гладил её по голове, распутывая пряди.

— Останься, — выдохнула она. — Просто так.

Я поцеловал её в губы — мягко, долго. Она вздохнула, расслабилась.

— Я никуда не уйду.

Мы молчали. Спальня наполнялась темнотой, густой, как вода. Я почти задремал, когда стук разорвал тишину.

Два удара. Коротких. Чётких.

Фионеса напряглась. Её пальцы сжали мои плечи.

— Там кто-то, — выдохнула она.

— Я схожу.

Я выбрался из её рук, надел штаны. Взял с комода фонарик, сунул в карман лёгких домашних брюк маленький складной нож — привычка. Вышел в прихожую.

Пол скрипнул под моей пяткой. Я замер. Стук повторился — настойчивее.

— Кто там? — спросил я.

Тишина. Затем — голос. Знакомый. Спокойный.

— Открой. Я говорила, что вернусь. Я забыла свои ключи.

Лиция.

Я отпер замок. Открыл дверь.

Она стояла на пороге, кутаясь в тонкое пальто. В свете уличного фонаря её волосы казались серебряными. Она улыбалась — криво, слегка пьяно.

— Ты как призрак, блять, — выдохнул я. — Напугала до смерти.

— Просто забыла ключи, — она шагнула внутрь. Её глаза скользнули по мне, по расстёгнутой ширинке, по ножу, торчащему из кармана. — Где Фионеса?

— Спать собирались. На втором этаже.

Лиция медленно кивнула. У неё был странный взгляд — не ревнивый, не злой. Она смотрела на меня, как будто видела впервые.

— Тогда я не буду мешать, — сказала она.

Она развернулась и направилась к лестнице — на второй этаж, мимо гостиной, мимо нашей спальни. Я пошёл за ней. В коридоре было темно, и я почти наткнулся на неё, когда она остановилась у двери.

— Ты что, идёшь к нам? — спросил я.

— А ты против?

Я не ответил. Вместо этого я шагнул ближе и слегка шлёпнул её по ягодице — по упругой, тугой ткани джинсов. Звук получился звонким, неожиданно громким в тишине.

Она обернулась. В темноте её глаза блеснули.

— Наглый, — сказала она.

— Я знаю.

Она толкнула дверь спальни. Свет от лампы упал на лицо Фионесы — та сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка.

— Я переночую у вас, — объявила Лиция. — Диван свободен?

Фионеса посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Свободен, — сказала она.

Лиция стянула пальто, бросила его на спинку стула. Легла на диван, не раздеваясь, и закрыла глаза.

Я выключил свет. В темноте слышалось только её дыхание — ровное, спокойное. Я вернулся в кровать. Фионеса прижалась ко мне, её пальцы впились в мою руку.

— Ты сумасшедший, — прошептала она.

— Я знаю.

Она вздохнула, и я почувствовал, как её тело постепенно тяжелеет, отпускает напряжение. Я смотрел на звёзды на потолке. Теперь их было больше — или мне казалось.

За стеной зашевелилась Лиция. Я слышал, как она перевернулась, как скрипнул диван. И в этой тишине, разделённой на три части, я закрыл глаза.

Она не спала. Я слышал по дыханию: оно было ровное, но искусственное, как будто она притворялась.

Я не обернулся.

Пусть притворяется. Утро всё расставит по местам.

За три часа до этого они были почти незнакомы.

Лиция врзается в дверь плечом — косяк жалобно скрипит, и я слышу, как её дыхание сбивается на бегу. Она не оборачивается, только бросает через плечо хриплое «Не лезь», и я вижу, как напряжены её лопатки под тонкой тканью рубашки.

Я складываю нож. Иду за ней.

Комната Фионесы пахнет духами и чем-то горьким — страхом, возможно. Лиция стоит в дверях спальни, и её голос режет воздух лезвием, которое я только что убрал в карман.

— Вам двоим пора.

Фионеса садится на кровати рывком, будто её ударили.

— Спать? — переспрашивает она хрипло. — Что ты здесь забыла?

Лиция улыбается — холодно, без тепла.

— Я заберу то, что принадлежит мне.

Я смотрю на них. Две женщины, одна кровать, мои руки в карманах. Я мог бы уйти. Но кольцо, которое я ещё не видел, уже жжёт мне ладонь через ткань штанов — откуда-то я знаю, что оно достанется мне.

— Где это лежит? — спрашиваю я.

Лиция достаёт ключи. Медленно, как будто даёт нам время осознать, что сейчас произойдёт.

— Там, где я оставила.

Фионеса сжимает кулаки на одеяле. Её лицо белое.

— О чём ты говоришь? — шепчет она.

— Забирай, — говорю я ей. — Если это твоя вещь, я не буду отбирать.

Лиция оборачивается ко мне резко, как удар хлыста.

— Не твоё дело.

Но Фионеса смотрит на меня. В её глазах что-то мешается — страх, надежда, просьба, которую она не может выговорить вслух. Зелёные глаза, тёмные, как вода в лесном озере.

— Что ты несёшь? — шепчет она.

Я пожимаю плечами.

— Ну так что это?

Лиция запускает руку под подушку. На ладонь ложится бархатный мешочек — тёмно-бордовый, старый, с потёртой завязкой. Она держит его так, будто он весит тонну.

— Это, — говорит она, глядя на Фионесу в упор. — Ты думала, я не знаю?

— Я в душе не ебу, что это.

Я говорю это ровно. Спокойно. И делаю шаг вперёд раньше, чем мой мозг догоняет тело. Рывок — бархат скользит по моим пальцам, Лиция вскрикивает, Фионеса встаёт с кровати с открытым ртом, но я уже у двери, спиной к ним обеим, и завязка поддается под моими зубами.

Мешочек падает на пол.

В ладони остаётся кольцо.

Старое серебро, тронутое патиной, и камень — чёрный, как ночь без луны, гладкий, холодный. Я сжимаю его в кулаке, и почему-то мне кажется, что я держу чью-то кость.

— Остановись! — кричит Фионеса.

Но я уже смотрю на кольцо. Оно лежит на моей ладони ровно. Тяжёлое. Чужое.

— Я так понял, — говорю я медленно, — это для твоего бывшего парня кольцо?

Лиция замирает.

— Не совсем, — голос у неё сухой. — Оно всегда принадлежало моей семье.

Фионеса прижимается к стене. Я слышу, как она дышит — часто, поверхностно, будто забыла, как делать это правильно.

— Фионеса, — говорю я, не оборачиваясь. — Хочешь мне что-то сказать? Желательно — не врать.

Она выдыхает так, будто я ударил её в солнечное сплетение. Медленно садится на край кровати. Руками сжимает простыню.

— Я не воровала, — шепчет она. — Она сама мне его отдала.

Лиция усмехается.

— Она. Я никогда не отдам свою реликвию.

— Я просто прятала его, — говорит Фионеса, и в голосе проскальзывает что-то упрямое. Детское. Как будто это оправдание всё меняет.

Я смотрю на кольцо. Потом на них.

— Так, — говорю я. — Слушайте меня. Ты и ты. Сегодня ночуете в одной комнате. Вместе. Завтра едем в дом к Лиции — разговаривать с её родителями. И твоими, Фионеса. И когда я узнаю правду — тогда отдам кольцо. Понятно?

Лиция сжимает челюсть — я слышу, как скрипят зубы.

— Мои родители, — цедит она. — Они не станут слушать тебя.

Фионеса закрывает глаза. Кивает.

— Ладно, — выдыхает она в полумрак спальни. — Пусть будет по-твоему.

— Бегом спать, — говорю я. — И да. Я лягу на диване внизу.

Лиция замирает.

— Не нужно, — говорит она холодно.

Но Фионеса уже идёт ко мне. Босиком. Волосы рассыпались по плечам, рубашка сбилась, и она подходит вплотную, почти касаясь грудью моей груди. Опускает голову.

— Пожалуйста, — шепчет она.

Её пальцы касаются моего рукава. Ледяные. Дрожат.

Я мог бы отстраниться. Но вместо этого я делаю шаг вперёд — к ней, к Лиции, которая стоит у кровати и смотрит на нас, как загнанный зверь. Я обнимаю их обеих. Одной рукой — Фионесу, второй — Лицию.

Медленно провожу ладонями по их горячим, точёным спинам. Сверху вниз. Как будто считываю напряжение с каждого позвонка.

Они вздрагивают одновременно.

Лиция замирает. Не отстраняется. Я чувствую, как её дыхание сбивается, как она борется с чем-то внутри себя — и проигрывает.

— Ты играешь с огнём, — шепчет она сухо.

Но не уходит.

Фионеса прижимается ближе. Утыкается лбом в моё плечо. Я чувствую, как она вдыхает мой запах — жадно, глубоко, будто тонула и нашла воздух.

Мои губы невольно дрогнули — в сторону её лба, шеи, груди. Я целую их, осторожно, невесомо, покрывая их тела кружевом поцелуев. Фионеса вздрагивает. Её кожа покрывается мурашками, дыхание учащается, и я слышу, как её пальцы впиваются в мою спину.

Лиция судорожно выдыхает. Запрокидывает голову.

— Достаточно, — тянет она хрипло.

Но Фионеса шепчет:

— Не останавливайся.

— Мне остановиться? — спрашиваю я. В голосе — ни намёка на насмешку. Я правда хочу знать.

Лиция вырывается из моих объятий. Шаг назад — резкий, почти панический.

— Да, — бросает она холодно.

Но Фионеса не отпускает. Её пальцы сжимают мою футболку, глаза — отчаянные, влажные, зелёные.

— Останься со мной, — шепчет она.

Я беру её на руки. Она лёгкая — почти невесомая, когда я опускаю её на кровать. Медленно. Осторожно. И начинаю целовать — от шеи до кончиков пальцев на ногах, не пропуская ни одной складочки, ни одной ямочки на её теле.

Фионеса стонет тихо, извиваясь подо мной. Её пальцы зарываются в мои волосы, тянут, гладят.

— Мой океан... — шепчет она хрипло. — Не останавливайся.

За спиной — резкий звук.

Лиция хлопает дверью спальни с такой силой, что стены вздрагивают.

— Прекрати! — кричит она яростно.

Я медленно отрываюсь от Фионесы. Поворачиваю голову.

Лиция стоит у двери. Глаза чёрные, щёки горят, руки сжаты в кулаки. Она смотрит на меня — и в этом взгляде столько всего, что я не могу прочесть ни одной эмоции до конца. Гнев, да. И что-то ещё. Что-то, что она прячет глубже, чем кольцо под подушкой.

Фионеса тяжело дышит подо мной. Её пальцы скользят по моей шее, она обвивает мою талию ногами и шепчет:

— Она просто завидует.

Лиция сжимает кулаки.

— Ты идиот, — бросает она яростно.

Я протягиваю ей руку.

— Разве ты не этого хотела?

Тишина. Фионеса выдыхает где-то у моего плеча.

— Иди сюда, — шепчет она. И тянет меня обратно, к себе на кровать.

Но Лиция смотрит на мою ладонь.

Медленно. Очень медленно.

Берёт меня за руку.

Я сжимаю её запястье. Прижимаю к себе — так, что она чувствует мою грудь, жар моего тела. Её грудь подрагивает от дыхания. Соски уже твёрдые — я чувствую их сквозь тонкую ткань.

Лиция судорожно выдыхает. Прижимается.

— Дурак, — шепчет она хрипло.

Но не отстраняется.

Фионеса стонет рядом. Недовольно. Её пальцы впиваются в моё бедро, она тянет меня за шею, притягивает к себе.

— Не смей, — тянет она отчаянно.

Мой язык проникает в их влажные рты — по очереди, глубоко, не давая сказать ни слова. Сначала Фионеса — она стонет мне в рот, тает, обмякает. Потом Лиция — она сопротивляется долю секунды, а потом открывается, впускает меня, и я чувствую, как её пальцы сжимают мою рубашку.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.